

ЭТИ СТРАННЫЕ российские реформы...

Игорь Михайлович Ильинский,
*ректор Московского гуманитарного университета,
профессор, доктор философских наук*

В начале 90-х годов XX века перемены, происходившие в отечественной системе образования, именовали «реформами». Потом вдруг решили, что это не реформы, а «модернизация». Произошло это в 1999 году с приходом на должность министра образования В. М. Филиппова, уже пятого после своих предшественников — Э.Д. Днепров, Е.В. Ткаченко, В.Г. Кинелёва, А.Н.Тихонова.

Завязалась упорная борьба за внедрение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и «образовательного ваучера» — Государственного именованного финансового обязательства (ГИФО); начались споры по поводу присоединения России к Болонскому процессу, о переходе на 12-летнее обучение в школе. Идеи, разного рода законопроекты и поправки к уже существовавшим законам, проекты доктрин, образовательных кодексов то и дело совершенно неожиданно вбрасывались в СМИ неведомо кем, без подписей авторов. Ещё чаще доходили слухи о том, что «кто-то» «где-то» готовит «что-то» важное, революционное... И все, кто был обеспокоен судьбой

образования, испытывали очередной стресс, кидались разыскивать это «что-то» и в очередной раз находили «его»! Всякий раз это были не слухи, а сознательно организованные утечки информации. И всегда это было действительно нечто важное, угрожавшее существовавшему порядку, но, как правило, несуразное.

Как президент Национального союза негосударственных вузов и Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, ректор крупного негосударственного университета, я участвовал во многих важных совещаниях, проводившихся Министерством образования, где обсуждались эти идеи и проекты. Были среди них, несомненно, и стоящие, действительно нужные, необходимые. Прежде всего это касалось образовательных технологий — компьютеризации, Интернета, дистанционного обучения и т.п.

С высот власти всё чаще, громче и жёстче звучало: «Качество! Качество! Качество!» Я видел (и наблюдаю до сих пор), что многие работники министерства и других образовательных ведомств буквально валяются с ног от усталости в своём стремлении «реформировать» и «модернизировать» (!) образование, победить проклятую коррупцию. А коррупция росла и растёт, а образование, начиная со школы, обедняется и примитивизируется.

На мой взгляд в первую очередь перемены должны были бы происходить в понимании предмета (чему учить?), содержании образования (что и сколько надо знать сегодня?), в методах развития творческого мышления, способности к самообразованию и всё в таком роде. Я полагал (и убеждён в своей правоте поныне), что главное для человека, которому жить в условиях сумасшедших перемен и скоростей XXI века, это не только ремесло, специальность, которые позволяют ему кормиться самому и кормить свою семью, но также овладение тем кругом традиционных и новых знаний, без которых он не сумеет понять, что же происходит на его глазах в окружающем мире.

По этому поводу я написал десятки статей, опубликовал несколько книг, в 2002 году издал монографию «Образовательная революция», в которой, в частности, очертил круг этих необходимых перемен.

Одним словом, происходившие в образовании перемены не устраивали меня: я видел следствия, но не знал породивших их причин; я видел результаты, но мне не известны были цели и те, кто их ставил. Я старался докопаться до сути.

В конце 1990-х годов наш вуз тесно сотрудничал с ЮНЕСКО и его Генеральным директором Федерико Майором, а также с Бюро ЮНЕСКО в России. Благодаря этим связям у меня в руках оказались два первых доклада за 1994 и 1995 годы с одинаковым названием «Россия: образование в переходный период», подготовленные сотрудниками и консультантами Всемирного банка при поддержке Фонда Дж. Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов. Получил я и доклад № 18666-RH «Обновление образования в России (региональный уровень)» за июль 1999 года по Саратовской, Самарской и Новгородской областям. Там я обнаружил много любопытного, что проливало свет на происходившее в российском образовании.

Вот первый объёмистый доклад Всемирного банка от 22 ноября 1994 года № 13638-RUS с грифом «Конфиденциально. Документ Всемирного банка. Только для служебного пользования» с предупреждением: «Настоящий

документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении официальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка». Доклад написан 29 не известными мне и миру сотрудниками и консультантами Всемирного банка (из которых только 5 человек — с русскими фамилиями) под руководством некоего Стивена П. Хайнемана. Главная проблема реформы российского образования, на взгляд разработчиков доклада, состояла в том, чтобы «реструктуризировать эту, добившуюся больших достижений в прошлом, систему так, чтобы она могла отвечать новым потребностям непланового рынка и открытого общества».

По ходу изложения авторы доклада делали знаменательные комплименты: «Система образования России характеризуется многими достижениями: начальное образование доступно всем детям; трудоспособное население грамотно; юноши и девушки имеют равное представительство среди студентов вузов; международное сопоставление академических достижений России в их совокупности продолжает свидетельствовать, в среднем, о более высоком уровне знаний в естественных науках и математике, чем во многих странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)» (Предыстория вопроса. С. I). «В бывшем Советском Союзе существовали великолепные учебные программы по естественным наукам и математике» (с. 29).

Авторы доклада высказали руководству России немало рекомендаций, некоторые из которых я назову. Были среди них и вполне разумные, например, «переподчинить ведомственные вузы Министерству образования», поскольку к тому моменту многие министерства и ведомства, которым прежде всего подчинялись эти вузы, были закрыты, их попросту не существовало.

Однако большинство рекомендаций, взятых в сумме, означали кардинальную ломку, лучше сказать, уничтожение прежней системы отечественного образования.

Вот некоторые из этих рекомендаций:

- «закрывать педагогические институты и привлекать учителей из числа выпускников университетов»;
- «закрывать профессиональные училища, которые не могут провести структурную перестройку» (с. 49);
- установить «минимальные стандарты гражданственности», которые сводились авторами доклада (буквально!) к «способности правильно читать карты, объясняться на иностранном языке, правильно заполнять налоговые декларации». Кроме того, по мнению авторов, к этим стандартам «можно было отнести любовь к российскому искусству и литературе, а также терпимость к разным социальным группам» (с. 51);
- ввести «подушевое финансирование школ, исходя из уровня расходов на одного ученика» (с. 57);
- «не повышать долю расходов на высшее или среднее профессионально-техническое образование в общем объёме ВВП, если они не будут серьёзно реструктурированы» (с. 58);
- передать ответственность за выбор учебных материалов из Министерства образования самим школам» (с. 74).

Авторы доклада высказали также мнение о «несправедливости и неэффективности экзамениционной системы» (с. 41).

Вполне вероятно, что читатель, не посвящённый в своеобразие дипломатического языка, не найдёт в некоторых приведённых мною выдержках ничего особо предосудительного, тем более угрожающего российскому образованию. Но дипломатичный документ — это своего рода шифровка, прочитать и до конца понять смысл которой могут только люди, владеющие кодом. За моими плечами три года обучения в Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР

(1974–1977 г.), где нас учили составлять и читать дипломатические тексты, а также опыт участия в написании двух докладов Генеральному директору Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) (1981 г.), руководство подготовкой Доклада Генеральному секретарю ООН «Молодёжь мира: глобальная ситуация и перспективы до 2000 года» (1991 г.). Мне понятен не только текст, но и подтекст сказанного в докладе Всемирного банка, а также во многом и дух невысказанных мыслей его авторов.

В сущности, руководству России предлагалась стратегия «реформирования» советской (на тот момент всё ещё одной из лучших в мире) системы образования, которая не могла быть осуществлена никак иначе, как только через её разрушение. Мне скажут: «Но ведь это всего лишь рекомендации! Власти России могли бы поблагодарить Всемирный банк за советы и делать то, что сами считали нужным». Увы.

В начале 90-х годов XX века экономика России была разгромлена, практически уже не функционировала; страна находилась в полной экономической и финансовой зависимости от Запада, в том числе от таких международных финансовых структур, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития. Каждый новый заём правительство России выпрашивало у Запада, «стоя на коленях». И деньги поступали, но с учётом определённых договорённостей, касающихся не только размеров процентных ставок на кредиты, но и политических условий, часть из которых известна (шоковая терапия, приватизация и т. п.), а также многих других, о которых мы пока не знаем и, возможно, не узнаем никогда.

В определённом смысле Россия находилась во внешнем управлении со стороны США, некоторых западных стран и «закулисья», которое определяет общемировые правила

игры. Теперь широко известно, что в ту пору в правительстве России, в каждом министерстве, при каждом губернаторе и президенте в регионах легально находилось более 2000 «советников» из США и западноевропейских стран; что наиболее важные проекты законов и постановлений Правительства РФ отсылались на экспертизу в Белый дом — в Вашингтон. В это трудно поверить и сейчас. Но вспомним хотя бы один из позорнейших фактов: первым человеком, которому позвонил Президент России Ельцин, после того как Кравчук и Шушкевич подписали Беловежское соглашение о роспуске СССР, был президент США Буш-старший! Что это? Глупость? Наивная вера в то, что «Запад нам поможет»?..

Возможно, таким же настроением определялась и просьба России к Всемирному банку: «Посоветуйте, как нам перестроить советское образование, чтобы оно стало как у вас, господа!» А может, при подписании условий одного из кредитов просителям из России было сказано: «Деньги дадим, но мы подготовим вам кое-какие рекомендации по реформированию российского образования, а вы обязуетесь их выполнить». Почему бы нет?

Теперь попробуем расшифровать некоторые из этих рекомендаций.

Вот рекомендация «закрывать педагогические вузы». В общем-то, в этом есть резон. На Западе таких вузов нет. С запозданием на 15 лет, в ноябре 2009 года, Президент России Д.А. Медведев в своём Послании Федеральному Собранию распорядился осуществить этот шаг — «закрывать». Спорить о том, хорошо или плохо это будет для российского образования, можно сейчас. Но в ту пору такое решение было смертельно, ибо престиж образования в голодной, разваливавшейся стране упал ниже допустимого предела: учителя из школ, преподаватели из вузов бежали в «челноки», в малый бизнес, куда угодно, чтобы прокормиться. Молодёжь не хотела идти в вузы, особенно — в педагогические, но именно их выпускники с учителями-ветеранами и спасали вместе среднюю школу — основу отечественного образования.

А что значило введение «минимальных стандартов гражданства»? Только вдумайтесь

в эту «рекомендацию»! Как же низко хотели советчики из Всемирного банка опустить российскую молодёжь, а значит — российский народ: умей найти на географической карте США, научись лопотать по-английски, правильно заполнять налоговую декларацию — и ты уже «гражданин». Позволительно («кроме того») «любить российскую литературу и искусство»...

«Глупость какая-то, вот и всё», — скажет кто-то. Нет же. Эта чушь присутствовала во всякого рода документах, подготовленных уже российскими «специалистами».

Но дело даже не в этом. Это не была лобовая рекомендация: «Откажитесь от воспитания новых поколений!». Но что? Отказались: в 1994 году воспитательная функция была изъята из уставов школ и вузов; воспитатели оказались без работы, бросились искать другие способы самопрокорма. Эта ситуация продолжалась около пяти лет. Пока не пришло озарение: «С исчезновением воспитания в России исчезло и образование, а осталось только обучение». Тогда министр образования тех лет В.М. Филиппов выступил в «Российской газете» со статьёй «Не хочу быть министром обучения!». Под моим руководством был подготовлен доклад Комитета РФ по делам молодёжи Правительству России, в котором мы доказывали ошибочность изъятия воспитательной функции из школ и вузов. На очном обсуждении доклад наш правительство признало «очернительским», запретив рассылку в регионы. Но через пять лет ошибку эту признали, воспитательную функцию вернули в школы и вузы. Однако кадры воспитателей, знания и опыт в этой области были утрачены. Несколько лет школьники и студенты были без наставников и советчиков, в которых так нуждаются формирующиеся ум и душа... Огромный вред нанесла России эта «рекомендация».

Ко времени выхода доклада Всемирного банка в России были тысячи профтехучилищ. Часть из них и в самом деле надо было закрыть. Но это было бы не по-нашенски — «закрыть часть». Головную боль в России приучены лечить отсечением головы. Сказано же: «закрыть». Вот и закрыли. Теперь в России найти руководителей среднего и низшего звена производства (там, где оно есть, это самое производство) трудней, чем выписать из-за границы топ-менеджера. Теперь мы «возрождаем» систему среднего профессионального обучения, и сколько времени уйдёт на то, чтобы подготовить кадры для этой сферы, чтобы молодые люди захотели учиться в такого рода учебных заведениях, знает только Всевышний.

А вот лукавое замечание авторов доклада о «несправедливости и неэффективности экзаменационной системы»... Авторы доклада не сказали о том, что надо сделать, чтобы эта система стала справедливой и эффективной. Знали, но в докладе не сказали. Шепнули «на ушко» кому надо. Так пришла в российское образование идея Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и Государственных именных финансовых обязательств (ГИФО — образовательного ваучера), которая потрясла всё образовательное сообщество, породила страстные споры. От ГИФО через несколько лет отбились — у государства на это просто не оказалось денег. ЕГЭ перевели в режим долговременного «эксперимента», который, как понимал любой недуррак, был обречён на «сокрушительный успех», поскольку экспериментаторами были носители этой идеи. На эксперимент затрачены миллиарды рублей. «Успех» становился всё более очевидным по мере того, как старели и уходили со своих должностей директора школ и ректоры вузов, которые, по мнению авторов доклада, «представляли собой самостоятельную консервативную силу, обладающую ощутимым влиянием» (с. 76), то есть стояли на пути «реформ». Их места с некоторых пор стали занимать назначаемые, а не избираемые люди, куда более покладистые. «Зелёный» светофор для ЕГЭ

оказался открыт, и 2009 год стал годом тотальной егэизации российского образования.

Не доказав ни одного из своих «несомненных преимуществ» перед традиционной системой экзаменации, он был объявлен самым «эффективным и справедливым» способом проверки знаний. И даже Президент России Д.А. Медведев, несколько скорректировав самодовольство сторонников этого сомнительного новшества, счёл возможным сохранить его, хоть и не в качестве единственного средства контроля...

Ну, а как вам рекомендация Всемирного банка «не повышать долю расходов на высшее и среднее образование в общем объёме ВВП»? Это было убийственное предложение, но оно было принято, и практически все 1990-е годы образование финансировалось по остаточному принципу: копейки — на зарплату преподавателям и жалкие гроши — на развитие. В итоге материально-техническая и учебная база образовательных учреждений пришла в полный упадок и стала развиваться лишь с приходом на пост главы государства В.В. Путина, когда расходы на образование стали расти.

Таков мой предельно краткий комментарий к рекомендациям первого доклада Всемирного банка «Россия: образование в переходный период».

В таком же духе составлены и другие доклады, о которых я уже упоминал, — второй доклад Всемирного банка «Россия: образование в переходный период» (декабрь 1995 года); доклад Всемирного банка № 18666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)», представленный в июле 1999 года; Доклад «Тасис», подготовленный на деньги Европейского союза.

Разумеется, все эти доклады не были, если можно так сказать, «законами прямого действия». Российские власти разрабатывали и собственные документы,

касающиеся образования. Известен Указ № 1 Президента РФ Б.Н. Ельцина «Об образовании» (1991 г.), в котором говорилось, в частности, что ежегодные расходы на образование в рамках ВВП должны составлять не менее 10%. Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) был, пожалуй, самым демократичным и многообещающим в мире: статья 40 этого закона предоставляла образовательным организациям существенные льготы, широкий простор для развития негосударственного образования. Конституция РФ (1993 г.) гарантировала всем гражданам страны право на получение бесплатного высшего образования.

В Национальной доктрине образования (2000 г.) было много высокопарных заявлений о роли образования в развитии России и правах её граждан в этой области. Но всё это были лишь красивые сказки, а в сущности — заведомый обман. Реальная доля расходов на образование все годы «реформ» колебалась в пределах от 3 до 3,5% ВВП. В 2002 году статья 40 Закона РФ «Об образовании» была изъята из него в полном объёме. Из 7,5 млн студентов получают образование за счёт госбюджета не более 25%, а остальные оплачивают обучение из семейного кармана. В России существует около 500 негосударственных вузов, в которых обучается 1,2 млн человек.

Зато практически все рекомендации Всемирного банка выполнены или выполняются, как ни парадоксально, с нарастающей жёсткостью под девизом повышения качества образования, что, в принципе, ни у кого не вызывает сомнения. Но в суматохе бесконечных изменений госстандартов, лицензионных и аккредитационных показателей, введения тестирования, уровневого образования, Единого государственного экзамена, укрупнения вузов и сокращения их количества, угроз и «наездов» на негосударственные вузы (не говоря уж о таких объективных факторах, как «демографическая яма» и финансово-экономический кризис) качество образования не повышается, а падает. Всё вместе это следует означать двумя словами: управляемый хаос. Почему рекомендации Всемирного банка и другие «заморочки», в основном, иностранного производства, ввергнувшие наше образование в этот хаос и разруху, предложены российским властям и приняты ими?

Почему? Ответить на этот вопрос почти невозможно: мы — в сфере абсурда, тайны и домыслов.

Разве можно даже в мыслях допустить, что США, финансисты которых контролируют Всемирный банк, вдруг и почему-то возлюбили Россию, с которой они не на жизнь, а на смерть почти 50 лет боролись в «холодной войне»? Россию, которую они издавна мечтают расчленивать на мелкие части? Россию, которая, согласно их планам, не должна иметь сильной армии, должна быть экономически зависимой от Запада? Россию, в недрах которой хранится более трети всех сырьевых и энергетических запасов, в которых так нуждается Запад и прежде всего сами США? И вот, объединившись с другими странами, Америка тратит деньги (хотя это крохи), мозги и время (хотя и это не главное) на то, чтобы помочь этой самой России создать на новое и (а как же иначе?) хорошее образование? Ведь нельзя же сказать представителям РФ: «Мы подготовим для вас такие рекомендации, которые окончательно угрожают ваше образование». Сказать — нельзя. Но сделать — можно. Вот и сделали.

Разве можно заподозрить Японию, правительство которой софинансировало подготовку доклада Всемирного банка, в дружеских чувствах к России, если Россия (как правопреемник СССР) с сентября 1945 года и до сих пор находится с Японией в состоянии конфликта?

Разве можно представить, что правительство Великобритании, которое также выделило деньги на разработку доклада Всемирного банка, неожиданно возлюбило нашу страну? Как можно не помнить, что во времена, когда Антанта душила молодую советскую республику, Уинстон Черчилль (тогда военный министр) выступал в английском парламенте за то, чтобы применить против Красной Армии газы? Что за три месяца до окончания Второй мировой войны,

в марте 1945 года, тот же Черчилль (премьер-министр Великобритании) предложил президенту США Трумэну начать 1 июля 1945 года III мировую войну против СССР? Что Трумэн не принял это предложение, в частности, потому, что, согласно Потсдамским соглашениям, СССР после победы союзников над Гитлером обязался вступить в войну с Японией, что было крайне важно для США?

А нынешние отношения России с Японией и Великобританией, находящиеся на грани «холодной войны»? Разве не говорят они о том, что ни о какой благотворительности по отношению к России со стороны этих стран нечего было даже мечтать? Тогда зачем же эти страны изображали любовь и дружбу к «новой» России?

Мне кажется, что ответ на этот ключевой вопрос дал миллиардер Джордж Сорос, который потратился на доклад Всемирного банка более щедро, чем правительства всех названных стран, вместе взятые. О, этот Джордж Сорос — сатана в образе благотворителя!.. Соросу надоел бизнес как таковой, он делает деньги на политике и получает от этого огромные доходы и высшее наслаждение. Сорос — один из активных разрушителей СССР, союзник Восточной Европы. Сорос — автор идеи и руководитель Фонда «Открытое общество», одна из главных фигур ускоренной глобализации. Соросу нужны открытые пространства — экономическое, политическое, финансовое, образовательное. Где есть какое-либо выгодное пространство — там и Сорос. Для Сороса важно было, чтобы Россия приняла рекомендацию Всемирного банка стать «открытым обществом» с «открытым образовательным пространством». И когда Россия до неприличия широко распахнулась Западу, Сорос не пожалел денег на реформирование программ российской школы и высшего образования и особенно — на подготовку учебников по гуманитарным наукам и прежде всего — по российской истории с помощью продажных отечественных и зарубежных фальсификато-

ров. Только сейчас школы постепенно избавляются от соросовских учебников, в которых российское и особенно советское прошлое так изгажено, так искажено, что не может узнать себя. Искачено историческое сознание целого поколения молодых наших соотечественников.

Почему мы забыли, что в 50-е гг. ушедшего века Запад был поражён эффективностью советского образования? Комиссия Конгресса США, занимавшаяся изучением космического феномена русских, заявила тогда, что если Америка не овладеет русским методом образования молодёжи, ей придётся овладевать русским языком. В США и других странах были проведены реформы, изменившие облик западных университетов. Финансирование высшей школы из бюджета на Западе возросло в 5, 10, даже в 20 (США) раз! Если в Японии в 1950 году действовало 149 колледжей и 202 университета, то к 1970 году их число возросло соответственно до 479 и 382. За два десятилетия количество учащихся колледжей увеличилось от 15 тыс. до 263 тыс., а контингент студентов вырос до 1,4 млн человек (прежнее число — 224 тыс.).

Почему мы не верим в то, что и сегодня Россия может сама создавать великолепные образовательные модели и стандарты, заимствуя у Запада только лучшее?

Вот ситуация с пресловутым ЕГЭ. Да, как в любом деле здесь есть свои плюсы. Но минусов значительно больше.

Если бы наши государственные мужи действительно думали о будущем России, на самом деле стремились бы модернизировать систему образования в целом и школьное образование в частности, они бы не торопились с введением новой системы итогового контроля. Начинать надо было с создания новых образовательных стандартов, новых программ и новых технологий, эффективных контрольно-измерительных материалов (КИМы),

в которые как их органичная часть, возможно, были бы включены и новые технологии контроля качества образования. Затем эти программы и технологии должны были бы длительное время проверяться на практике. В этом естественном эксперименте должны были бы участвовать не те дети и подростки, которые уже учатся в школе, а те, кто только придёт в школу к его началу. При этом в разработке новых стандартов, программ и технологий должны были бы принимать активное участие не только специалисты-предметники, но и психологи, и физиологи. Очень важный аспект!

Никто не подумал о тех школьниках, которые по природе своей не могут работать быстро. Это не недостаток — это особенность их мышления. Они знают материал, они приходят к правильным ответам, — только на это им надо больше времени, чем их «быстрым» одноклассникам. Они заведомо не успевают на ЕГЭ и получают низкие баллы.

А те дети, которых называют одарёнными? Одарённый школьник, как правило, проявляет глубокий интерес и глубокие способности к какому-либо одному предмету (или группе предметов), далеко выходя за рамки школьной программы. Но при этом чаще всего успехи в одной области сочетаются у таких школьников с отставанием в других областях: их способности «заточены» для решения задач в определённой сфере, другие сферы им неинтересны, а значит, они заведомо не будут (в отличие от дисциплинированных отличников) заниматься зубрёжкой, что проявится в результатах ЕГЭ.

Никто не подумал о тех школьниках, ведущим полушарием у которых является правое. Они по своей природе не способны к аналитической работе, к работе с высокими уровнями абстракции, не умеют логически последовательно строить рассуждение, затрудняются при выполнении любого тестового задания. Они склонны к синтезу, обобщению, они приходят к правильному ответу скорее интуитивно, чем логически, и прекрасно умеют выполнять творческие задания. Тестовая форма сдачи любого экзамена для таких школьников является нефизиологичной, а их с каждым годом становится всё больше — прежде всего из-за того,

что в жизнь ребёнка с ранних лет начали входить не только телевизор, но и компьютер, а книга постепенно перестаёт быть основным источником знаний. Работает в основном первая, а не вторая сигнальная система, и в результате правое полушарие получает преимущество. Но школьные программы и экзаменационные формы не рассчитаны на подобные процессы.

Я не могу понять, как будет решать наше общество задачи инновационного развития, модернизации. Ведь качество любого рода человеческой деятельности зависит от качества человеческого материала, который включён в процесс этой деятельности. Это фундаментальная истина! В любом деле всё зависит от того, кто его делает, от уровня знаний, понимания, моральных, волевых, этических и прочих качеств. Одним словом — от качества человеческого материала.

А это качество падает и снижается существенно, в то время как сложность проблем и задач возрастает объективно. Если мы собираемся вывести Россию в разряд ведущих держав мира, то необходимо наращивать творческий потенциал в массе населения. Именно — в массе, а не в «элите», не в управленческой верхушке. Как добиться этого, если образование примитивизируется, если большинство студентов первого курса не могут даже пересказать прочитанное? Уже не говорю об умении конспектировать, что заставляет преподавателей просто надиктовывать определённые тексты вместо осмысленного чтения лекций. Но такой путь ведёт в тупик, поскольку вместо развития навыков самостоятельного и творческого мышления развивает лишь кратковременную память. На семинарах студенты с удивительной точностью воспроизводят непонятные или плохо осознанные куски текста, но не могут ответить на самые простые вопросы.

В начале 1990-х государство бросило образование практически на произвол

судьбы. В последние годы взят жёсткий курс на укрепление гособразования. Значительно увеличилось финансирование. Так, в 2010 году расходы федерального бюджета на образование выросли на 7,3% и составили более 416 млрд руб. В том, что образование — обучение и воспитание новых поколений — или должно осуществляться под контролем и в интересах государства, у меня нет никаких сомнений. Но чьи коренные интересы выражает нынешнее государство — вот вопрос...

Нетрудно заметить, что интересы эти носят двойкий характер. Прежде всего это интересы так называемой «элиты» — узкого круга богатей, властвующих, и, я бы сказал, «нового класса» — чиновников, тесно связанных с властью и капиталом. И только потом — интересы «народа», то есть абсолютного большинства населения.

Сообразно этому и система образования обретает всё более ярко выраженную «естественную» двойкость. Дети «элиты» в подавляющем большинстве учатся в частных школах, что обходится семье от 1000 до 4000 евро в месяц, а после школы — в университетах США, Англии, Франции, Швейцарии. В крайнем случае, в «ведущих» вузах России, поступление и учёба в которых стоит огромных взяток.

Но, Боже мой, ведь так было ещё в древние времена в системе «раб — господин»: рабы должны были готовиться к труду, а дети свободных (читай: богатых) должны были иметь необходимый досуг для развития ума и телесного совершенствования. Образование детей богатых и власть имущих не должно было иметь трудовой направленности, поскольку производство материальных благ было делом рабов. Дети аристократов должны были получать наилучшее образование, ибо им предстояло управлять государством и своими богатствами. Так представлял себе систему образования ещё Аристотель, живший за триста лет до новой эры.

Итак, ответ на первый вопрос получен: бедное государство за счёт налогоплательщиков и собственных денег граждан даёт им образование и возможность заработать на жизнь преимущественно у частных работодателей. Государство дважды обирает граждан за право работать на частный бизнес. Будем рассуждать о демократии? Или — ну её?..

Второй «тренд», как любят говорить сейчас социологи, из той же серии, что и первый: в связи с безмерным расширением платных услуг в государственных вузах возник «порочный круг» неравенства в образовании — неравенство возможностей (в денежных средствах и связях) ведёт к неравенству качества получаемого образования («хороших» вузов на всех не хватает), что предопределяет неравенство возможностей на рынке труда. И так далее — по кругу. Итог опасный: появление недовольных судьбой, сначала — студентов, затем — нетрудоустроенных и плохо устроенных выпускников, а в целом — разочарованных поколений. Тут протест (в любой форме) запрограммирован и весь вопрос во времени: когда рванёт?

Третий «тренд»: массового спроса на качественное образование со стороны рынка что-то не просматривается. Причина? В России отсутствует реальный сектор производства, промышленность прежде всего. Торговля, услуги — это не главное. Там важно, сам диплом, а не его качество. Поэтому реформы и модернизация сводятся к разного рода организационно-финансовым пертурбациям (сократить — укрупнить; слить — разлить; разрешить — запретить; открыть — закрыть; проверить проверяющих и т.п.).

Шум, суета, стрессы... А качество образования намывается по крупинкам, в условиях спокойствия, несуетности и стабильности. ЕГЭ — это мера на понижение качества. В СМИ на тему ЕГЭ в 2009 году появилась масса публикаций. Совсем немного в духе «одобряем-с», да и те с заказным душком. Абсолютное большинст-

во — критические: фактически в России происходит ликвидация грамотности. Показательны заголовки многих публикаций: «ЕГЭ — контрольный выстрел в российское образование»; «ЕГЭ: ошибка или преступление?»; «Высшая мера для высшей школы»; «Как объЕГЭрить государство»; «Аттестат незрелости»; «Капкан для ректоров»; «Поколение для экспериментов»...

Бакалавриат — это шаг по пути оглушения. Ибо абсолютное большинство бакалавров из-за отсутствия материальных возможностей не смогут продолжить обучение в магистратуре, а путь в аспирантуру им закрыт по закону.

Тесты — это способ развития памяти, но не мышления и творчества.

В связи с вступлением в ВТО Россия будет обязана перестроить всё отечественное законодательство под международное (читай: американское). Вот тут от «минимального стандарта гражданства», предписанного Всемирным банком, уже не удастся отвертеться...

Пора осознать: цели и задачи Всемирного банка, МВФ, Всемирной торговой организации и им подобных организаций совершенно противоположны целям и задачам российского общества. Это ложь, что кому-то из наших зарубежных «друзей» нужна сильная Россия с сильной экономикой, сильной армией, хоро-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

шим образованием, грамотным населением, сильным национальным самосознанием. Совсем наоборот. «Их» цель — разрушить национальное самосознание, подчинить своей власти свободные нации и государства единому (универсальному) международному законодательству и таким образом управлять любой страной и миром в нужном им направлении.

«Широкий замысел, направленный к великой цели, характеризует гения и превышает дух исполнителя», — сказал один умный человек. Вот бы чем заняться властям — идеологией.

Куда идёт Россия? В чём её общественный идеал?

Ничего в России не изменится к лучшему, пока власть и население не станут жить единой жизнью, не станут чувствовать себя единой нацией; пока развитие общества не станет определяться выдвиганием целей, вытекающих из общественных идеалов, которые приемлют уж если не всё, то хотя бы большинство граждан. Никакого «качественного образования» в России не будет, пока власть и органы управления образованием не станут слушать тех, кто это образование творит. **НО**